

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ ВЕРХНЕКАМСКОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Е.Н. Федосеева,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
lenafed@rambler.ru

Разновидность коми языка, традиционно называемая верхнекамским наречием (или диалектом) коми-пермяцкого языка, распространена в Афанасьевском районе Кировской области. Среди работ, посвященных его описанию, статьи и тезисы Г. Нечаева (Нечаев 1930), В.И. Лыткина (Лыткин 1955), Р.М. Баталовой (1965; 1975), Е.А. Цыпанова (Цыпанов 1990), С.А. Сажинной (Сажина 2003; 2014а; 2014б; 2016а; 2016б), Е.Н. Федосеевой (Федосеева: 2007; 2008а; 2008б; 2010; 2011; 2015).

В работах, посвященных верхнекамскому наречию, отражены наиболее существенные особенности языковой разновидности и предпринята попытка определить его место в общекоми диалектном пространстве. В качестве основной черты верхнекамского наречия исследователи отмечали переходность и определяли его как переходную зону между коми-пермяцким и коми-зырянским языками (Лыткин 1955: 28; Баталова 1965: 14; Сажина 2003: 115; 2014: 135; Федосеева 2010: 88–93).

Словарный состав верхнекамского наречия, как и любого другого языка, представляет собой сложное явление. В нем можно выделить следующие группы:

1. Слова, являющиеся общими для всех коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов.
2. Слова, изоглоссы которых объединяют верхнекамское наречие с коми-зырянским языковым пространством.
3. Лексемы, изоглоссы которых охватывают верхнекамские говоры и коми-пермяцкие диалекты.
4. Слова, ареал распространения которых ограничен верхнекамским наречием. В большинстве случаев они не употребляются в других коми (зырянских и пермяцких) диалектах.

В статье мы подробнее остановимся на словах, относимых нами к последней группе.

гажалны ‘хотеть, желать’

Данное слово было зафиксировано Г. Нечаевым (Нечаев 1930: 22), в настоящее время оно повсеместно употребляется в верхнекамском наречии: *мэ гажали гортö мунны* ‘я хотела домой идти, уйти’, *эг гажал сы сайö вэрöс сайö муннысö* ‘не хотела за него замуж идти’. В коми-зырянских диалектах в данном значении употребляется слово *кöсийны* (ССКЗД: 173). В «Коми-пермяцко-русском словаре» приведено слово *гажалны* со ссылкой на «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н.А. Рогова (КПРС: 95), но в современных коми-пермяцких говорах в данном значении употребляется заимствованная частица *бы*: *мэ бы с'ойа* ‘я хочу есть’, *мэ бы муна* ‘я хочу уйти’. В рукописном словаре А. Попова зафиксировано слово *эггажаль* ‘неволю’ с примечанием «*нарЪчие*» (Попов 1785: 100), которое, безусловно, восходит к глаголу *гажалны* (букв. ‘(я) не хотел’). Таким образом, в коми-пермяцком языке лексема *гажалны* имела место, но к настоящему времени утрачена.

В удмуртском языке в значении ‘хотеть’ функционируют слова *потыны*, *мылпотыны*: например, *юэм потыны* ‘хотеть пить’ (РУС 1956:1203). Однако в значении ‘желание, хотение’ зафиксировано диалектное слово *гаж*: например, *гажы öвöл* ‘не хочу, нет желания’ (УРС 1983: 104), имею-

шее соответствие в коми-зырянских диалектах: *ас гажӧн* ‘по своему желанию, по своей воле’, *кыдз гажыд* ‘как хочешь, как тебе угодно’, *мыйтӧм гажыд* ‘сколько угодно’, *гаж петӧ* ‘хочется’, *ов, кӧн гажыд* ‘живи, где хочешь’ (КСК I: 305).

Лексема *гажалны* авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» относится к общепермскому периоду: **gaž-* ‘желание, хотение’ **gažal-* ‘хотеть’ (КЭСК: 74). В коми-пермяцком и коми-зырянском языках имеется слово *гаж* ‘веселье’ и производные от него, однако значение ‘желание, хотение’ в коми-пермяцком языке, по всей видимости, полностью утрачено, а в коми-зырянском сохранилось только в устойчивых сочетаниях.

Таким образом, изоглосса *гажалны* ‘хотеть, желать’ является, вероятно, генетической и характеризует верхнекамское наречие как архаичную зону (или зону консервации).

чӧстӧм ‘несладкий’

У носителей верхнекамского наречия нами было зафиксировано слово *чӧстӧм* ‘несладкий’. Во всех коми-зырянских диалектах широко распространена однокоренная лексема *чӧскыд* ‘вкусный, лакомый, ароматный’, в коми-пермяцких *чӧскыт* ‘вкусный, сладкий’, возникновение которых авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» относят к общепермскому периоду (КЭСК: 312). Значение ‘несладкий’ в коми-зырянском языке передается сочетанием *абу юмов*, в коми-пермяцком – *абу чӧскыт*. Таким образом, изоглосса *чӧстӧм* образует небольшой ареал, охватывающий верхнекамское наречие. Слово *чӧстӧм* ‘несладкий’ образовано от корня *чӧс-* при помощи суффикса *-тӧм* со значением отсутствия признака или предмета и, вероятно, является верхнекамской инновацией.

Кроме того, в верхнекамских говорах употребляется лексема *чӧскыдтӧм* ‘несладкий’, которая в других коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах также не зафиксирована. Возможно, на её основе и возникло анализируемое слово.

л'ак ‘самодельный мяч’

В верхнекамском наречии Г. Нечаевым было выявлено слово *л'ак* ‘мяч’ (Нечаев 1930: 22). Во время экспедиций нами было зафиксировано употребление лексем *л'ак*, при помощи которой информанты обозначили мяч и указали, что это может быть и самодельный мяч: *л'ак вӧлин рэз'инӧвӧй, и вурьинӧвӧйӧс катайталлисӧ* ‘мяч был резиновый, и из овечьей шерсти катили’. Кроме того, во время беседы они указали, что самодельный мяч мог быть набит соломой или паклей. В коми-пермяцком языке в данном значении функционирует заимствование из русского языка *м'йач*. В коми-зырянских языках соответствия также не выявлены, хотя в диалектах зафиксированы: *л'ак I* ‘надоразвитый, мелкий’ (например, *нин ляк* ‘лыко ли-

повой поросли’, *пыш ляк* ‘низкорослая, мелкая конопля’), II) ‘пакля, грубые отбросы кудели’ (например, *лякнас ёшунь сюялам* ‘паклей конопатим окна’), III) ‘облик, физиономия’ (к примеру, *мам лякас ветлõ* ‘он обликом в мать’), IV) ‘резинка’ (например, *лякõн вуштыны* ‘стереть резинкой’), V) ‘грязь, запачканный, загрязненный’ (КСК I: 889). Как видим, ни одно из этих слов нельзя назвать соответствующим верхнекамскому примеру.

Можно предположить, что в исследуемом наречии *л’ак* первоначально обозначал самодельный мяч. Учитывая, что в южных коми-зырянских диалектах, с которыми выявляется больше общих языковых черт, зафиксировано слово *ляк* в значении ‘пакля, грубые отбросы кудели’ (КСК I: 889; ССД: 125; ССКЗД: 372, 213), возможен перенос значения: ‘пакля, отбросы кудели’ > ‘мяч из пакли или набиваемый паклей’.

Кроме того, нельзя исключать, что в диалектах коми-зырянского языка при дальнейшем сборе языкового материала обнаружится лексема, соответствующая рассматриваемому слову.

моргуйтны ‘брезговать’

В речи кировских пермяков было зафиксировано слово *моргуйтны* ‘брезговать’. Ареал функционирования данной лексемы на территории функционирования коми языков ограничен говорами верхнекамского наречия. В коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах похожие слова не выявлены.

Соответствия данному слову обнаруживаются в русских говорах: *морговать* ‘брезговать, гнушаться’ (СРНГ 18: 256), ‘брезгать, причудничать, привередничать, пренебрегать, гнушаться, презирать’ (Даль II: 345). Таким образом, исследуемое слово, вероятно, является заимствованием из русского языка.

сулой: бл’иновõй сулой ‘блинное тесто’

В верхнекамском наречии функционирует слово *сулой*, чаще всего в сочетании *бл’иновõй сулой*. Значение данного словосочетания, по словам информантов, ‘тесто для блинов’. Данное слово отсутствует в коми-пермяцком и коми-зырянском языках. В русских говорах зафиксирована лексема *сулой* с множеством похожих значений, одно из которых ‘жидкое овсяное тесто для блинов’ (СРНГ 42: 224). Таким образом, изоглосса *сулой* в верхнекамском наречии является ареальной, а сама лексема заимствованной из русского языка.

бэбэлс’алõм ‘чуть-чуть согревшийся’

В верхнекамском наречии Р.М. Баталовой была зафиксирована лексема *бэбэлс’алõм* ‘чуть-чуть согревшийся’. Во время наших экспедиций данное слово выявить не удалось. Возможно, оно к настоящему времени уже забыто, что особенно характерно для подобных узкодиалектных лексем.

Бэбэлс'алём является причастной формой, образованной от глагола *бэбэлс'алны*. В коми-пермяцком и коми-зырянском языках соответствия не выявлены. Однако в верхнесыольском и лузско-летском диалектах коми-зырянского языка зафиксировано слово *бебол* 'тепловатый, тепленький (о жидкости)' (КСК I: 61), в лузско-летском *беболмыны* 'согреться, стать теплым' (КСК I: 61).

Таким образом, ареал функционирования данной лексемы и его соответствий ограничен верхнекамским наречием и территориально близкими лузско-летским и верхнесыольским диалектами коми-зырянского языка. Этимология слова вызывает сложности. Исходя из территориальной характеристики оно может быть каким-либо заимствованием или архаизмом.

прокмыны 'мочь, уметь'

прока 'сильный'

прокын'ик 'способный, умеющий что-либо делать'

Во время экспедиций в Афанасьевский район нами были зафиксированы слова *прокмыны* 'мочь, уметь', *прока* 'сильный' и *прокын'ик* 'способный, умеющий что-либо делать': *Мыс'калныс ачым ог прокмы а, д'эвкай-аслы мыйкё ог тиёкты* 'Мыть сама не могу, а девочек почему-то не прошу'; *Ош прокаджык кёинс'а* 'Медведь сильнее волка'; *Ростом то ичёт мэ, но малос' прокын'ик вёлин*. 'Ростом-то маленькая я, но немного могла уже'.

Прок 'уменье, способность, сила' и производные *прока* 'способный что-либо сделать, умеющий', *проктём* 'не способный физически, не умеющий', *прокмыны* 'мочь, уметь' широко функционируют в коми-пермяцком языке: *прокё оз ни тырмы уджавны* 'у меня уже нет сил работать' (КПРС: 378), *прока сийа өд'д'ён, быдёс кужё* 'способная она очень, все умеет', *прокма эшö, да отсас'ышта* 'могу еще да помогу'. В коми-зырянском языке соответствия исследуемому слову зафиксированы в лузско-летском диалекте: *прок* II 1) лл. 'сила, мощь', 2) лл. 'крепость'; *прока* 1) лл. 'сильный, крепкий', 2) лл. 'способный, умелый'; *проктём* лл. 'слабый, бессильный' (КСК II: 211).

Таким образом, ареал функционирования анализируемых слов охватывает коми-пермяцкие диалекты, верхнекамское наречие и лузско-летский диалект коми-зырянского языка.

Слово *прок* было заимствовано из русского языка, в котором среди прочих значений данной лексемы зафиксированы а) 'уменье, способность': *У кого какой прок косить, кто быстро, кто тихо*; б) 'физические возможности действовать, делать что-либо': *А прок от худой стал, еле волочишь ноги свои* (СРНГ 32: 151). В коми диалектах (вероятнее всего, в коми-

пермяцких) на основе данного слова возникли производные *прока*, *проктём*, *прокмыны*, а в верхнекамском наречии еще и *прокын'ик*.

Кроме рассмотренных слов в указанную группу входят *лопэн'* 'селезенка', *вэрма: праз'н'ик вэрма* 'время праздника', *нёш* 'ленивый', *над'итны* 'наварить железо', *пишул'* 'густой ельник', *путиёс* 'изгородь', *пудралны* 'накаленную вещь бросить в холодную воду', *пэл'кыд* 'расторопный, бойкий', *йарандачина* 'крякла у розвальней', *кёлыгалны* 'особым образом привязать гуж хомута к оглобле', *барабайтны* 'искать ощупью' и другие.

Проанализировав указанные лексемы, мы пришли к следующим выводам:

1. Группа слов, ареал распространения которых в большинстве случаев ограничен верхнекамским наречием, неоднородна. Она включает в себя 1) архаизмы, не сохранившиеся в остальных коми диалектах, 2) собственные инновации, 3) инновации, возникшие в результате заимствования из русского языка.

2. В верхнекамском наречии имеется определенное количество слов, объединяющих его с южными (верхнесысольским и лузско-летским) диалектами коми языка. В этом случае можно, вероятно, говорить о ситуации диалектной непрерывности и об ареально-генетических связях, в результате которых в указанных языковых разновидностях возникли явления, не получившие распространения в остальных диалектах коми языков.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М., 1975. – 252 с.

Баталова Р.М. О некоторых особенностях зюзьдинского диалекта коми-пермяцкого языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению : тезисы докладов и сообщений. – Сыктывкар, 1965. – С. 13–16.

Даль П – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 2. – 778 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

КСК I – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2012. – Т. I.: А–О. – 1096 с.

КСК II – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Изд-во “Кола”», 2014. – Т. II.: Ö–Я. – 888 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. – М., 1955. – 128 с.

Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 1–21.

Попов А. Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым. 1785. Рукопись. // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 206.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь. – М., 1956. – 1360 с.

Сажина С.А. Язык Кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии : межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар, 2014а. – С. 130–136.

Сажина С.А. Функционирование языка Кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014б. – № 3. – Ч. 2. – С. 172–174.

Сажина С.А. Консонантизм языка Кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. – 2016а. – № 1. – С. 240–249.

Сажина С.А. Фонетические и морфологические маркеры языка Кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016б. – № 2 (12). – С. 40–48.

Сажина С.А. О месте Верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике : тез. докладов. – М.: Советский писатель, 2003. – С. 114–115.

Сажина С.А. О месте Верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике : тез. докладов. – М.: Советский писатель, 2003. – С. 114–115.

СРНГ 32 – Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 1998. – Вып. 32. – 272 с.

СРНГ 18 – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1982. – Вып. 18. – 368 с.

СРНГ 42 – Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 2008. – Вып. 42. – 330 с.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 490 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.

Федосеева 2008а – Федосеева Е.Н. Лексические особенности языка Кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. науч. статей. – Ижевск, 2008. – С. 338–342.

Федосеева 2008б – Федосеева Е.Н. Лексические заимствования в словарном составе языка Верхнекамских коми // Ашмаринские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 188–192.

Федосеева Е.Н. К вопросу о месте Верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. – СПб., 2010. – С. 88–93.

Федосеева Е.Н. О влиянии русского языка на язык кировских пермяков // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. – Piliscsaba, 2011. – С. 106–109.

Федосеева Е.Н. О словарном составе верхнекамского диалекта // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской : сб. тезисов. – М., 2007. – С. 234–235.

Федосеева Е.Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск; Будапешт, 2015. – С. 505–511.

Цыпанов Е.А. Кама йывса комияс ордын // Войвыв кодзув. – 1990. – 3 №. – 56–62 л.б.